

процесса разложения полисного строя. На наш взгляд, это объясняется его стремлением не столько о б ъ я с н и т ь, сколько о п и с а т ь события. Такая установка кажется нам не совсем верной. Ведь перед популярной книгой, пусть она даже ориентирована на учителя и предназначена для нужд преподавания, должна стоять не только утилитарная цель — дать в руки учителю материал для подготовки к уроку. Она должна также расширить и обогатить представления читателя об историческом процессе, подобно тому, как это сделали в своей книге А. П. Каждан и Г. Г. Литаврин. Попутно заметим, что последним сделать это было труднее уже потому, что их книга довольно велика по объему и им приходилось знакомить читателя со значительно более разнообразными историческими процессами. Автор рецензируемой книги находился в этом смысле в более благоприятном положении.

Так, нам кажется, что, говоря о ранневизантийском городе, можно было бы подчеркнуть не только тяжесть эксплуатации, которой подвергалось городское население (см. стр. 28 и сл.), но и тот факт, что государство до поры до времени обеспечивало городским ремесленным массам возможность непрерывного воспроизводства. Поэтому в IV—V вв. городские свободные ремесленники и поддерживали правительство, борясь с готами и персами. И только когда гнет стал нестерпим, с конца VI в. горожане переходят к борьбе против государства и к прямым восстаниям.

Можно было бы, далее, не только отметить простоту арианства и его борьбу против официальной церкви, но и указать на то, что эта борьба являлась выражением протеста рядовых варваров, еще не знавших эксплуатации, против римского рабовладельческого государства и классового строя. Вряд ли в Кодексе Юстиниана нашла выражение «растущая феодализация восточноримского общества» (стр. 63). Чтобы доказать это, недостаточно сослаться на статьи, поощряющие отпуск рабов на свободу или способствующие распространению колоната. Феодальный характер ранневизантийского колоната оспаривался в недавно закончившейся дискуссии по основным проблемам социально-экономической истории Византии⁵, а отпуск рабов на свободу — явление, известное и развитому рабовладельческому обществу.

Может быть следовало бы более осторожно оценить политику той части остготской знати, которая держалась антиримской ориентации. Оценивая позицию антиримской знати в соседнем, Вandalьском королевстве, Г. Л. Курбатов рассматривает ее борьбу с империей как попытку сохранить старые, т. е. общинные, порядки у варваров (стр. 82). Аналогичным образом оценивает автор и положение в Остготском королевстве, сближая позицию остготских вождей и рядовых воинов (стр. 86). Между тем новейшие исследования позволяют прийти к выводу, что остготская знать в основном занимала сугубо реакционную позицию в отношении рабов и колонов, стремясь все зависимое население Италии превратить в рабов⁶. В связи с этим стоило бы изменить вывод и о характере правления Тотилы. Вряд ли «Тотилу повсюду поддерживал народ», как пишет Г. Л. Курбатов (стр. 91). Согласно выводам З. В. Удальцовой, Тотила был выразителем интересов все той же остготской знати, только более широкой ее прослойки, вступившей в контакт с рядовыми воинами. Но Тотила никоим образом не стремился уничтожить рабство и колонат, а с момента взятия готами Рима вступил в дружеские сношения с римской сенаторской знатью. С этого момента и начинается резкий рост антиготских настроений среди трудящихся масс Италии⁷.

В заключение нам хочется отметить, что Г. Л. Курбатову надо было бы не только сообщить о сохранении свободных общин на территории Восточной империи, но и указать, что в этом-то и заключалось одно из принципиальных отличий общественной структуры Византии от социальных порядков Западной Римской империи.

Но число спорных положений в работе Г. Л. Курбатова невелико. И основное впечатление от книги определяют не они, а яркое, выразительное повествование и обилие собранного автором материала. Поэтому общая оценка книги должна быть безусловно положительной.

М. М. Фрейденберг

ДИГЕНИС АКРИТ. ПЕРЕВОД, СТАТЬИ И КОММЕНТАРИИ А. Я. СЫРКИНА.

Издательство Академии наук СССР, М., 1960.

За 90 лет, прошедших со времени обнаружения первой рукописи «Дигениса Акрита», эта поэма была опубликована в нескольких изданиях и переведена на все основные европейские языки. Нынешнее русское издание «Дигениса» восполняет

⁵ См. «Разработка основных проблем социально-экономической истории Византии в советском византиноведении за последние годы (К итогам дискуссии)». ВИ, 1961, № 8, стр. 114.

⁶ М. Я. С ю з ю м о в. Рец. на книгу З. В. Удальцовой. ВВ, XIX, 1961, стр. 287.

⁷ З. В. У д а л ь ц о в а. Указ. соч., стр. 397.

большой пробел, существовавший в нашей переводной литературе. Эта книга очень нужна историкам и фольклористам, не говоря уже о специалистах по древнерусской литературе: ведь какая-то поныне необнаруженная версия «Дигениса» была в древности переведена на русский язык и хорошо известна под названием «Девгениево деяние».

Все издание, включающее перевод, две статьи и комментарии, выполнено А. Я. Сыркиным. Перевод памятника сделан с Гротта-Ферратской версии с добавлениями из Трапезунтской и Андресской рукописей. В основу перевода положен текст издания памятника Дж. Маврогордато¹, чья книга в некоторой степени послужила прототипом рецензируемому изданию. По установившейся традиции греческий политический стих передается на русский пятнадцатисложным ямбом. Этот размер в общем верно передает характер подлинника и хорошо выдержан переводчиком. Другое дело, что сам ямбический пятнадцатисложник не очень благозвучен и несколько монотонен. Может быть, поэтому А. Я. Сыркину не следовало бы сознательно отказываться от переноса ударения на нечетные слоги, как это нередко бывает в политическом стихе; ведь определенные перебои в ритме позволили бы разнообразить звучание стиха и лучше передать оттенки содержания. Правда, в некоторых случаях (II, 200; II, 292; IV, 495; VI, 717; VII, 110 и др.) переводчик допускает ударение на нечетных слогах, но читатель, свыкшийся с четким ритмом стиха, может воспринять это как отступление от схемы и даже как неверные ударения в русских словах («кбнюших» вм. «кониюших», «о недуге» вм. «о недуге» и т. д.). А. Я. Сыркин удачно пользуется цезурой, только в двух случаях она оказывается в середине слова (II не ошибся: к финику) (вой пальме я подъехал — V, 32; И рода человеческого) (злойный ненавистник — V, 252).

Перевод «Дигениса» точен и ясен. Так же как и Дж. Маврогордато, А. Я. Сыркин старается перевести памятник строка в строку, но первый — часто в ущерб ритму и нормам английского языка — переводит каждое слово подлинника, а А. Я. Сыркин передает лишь смысл и характер строки. Думается, что этот принцип более правилен, ибо позволяет сохранить не букву, а дух подлинника. От перевода «Дигениса» не следует требовать художественного совершенства — не только потому, что его автор — не поэт, а ученый, но и потому, что сам оригинал — произведение в художественном отношении не первоклассное. Однако некоторые места русского текста носят следы явных стилистических неточностей: «Вступили в договор» (*συνταγάς ποιήσατε* — III, 43); «Дубинкой посреди спины удар нанес он зверю» (*Μέ τὸ ῥαβδῖν τὸν ἔδωκε πλήρης εἰς τὴν μεσίστην* — III, 99); «Когда ж не увидел ее, не понял, что случилось» (*ὡς δὲ ταύτην οὐκ ἔβλεπε... ἤνιστα κατὰ πόλιν...* — IV, 411); «Ошеломлен рассудок мой» (*ἐξαιπορεῖ γάρ μου ὁ νοῦς* — IV, 418); «Наклонилась девушка в окошко золотое» (*ἢ παρθένος προκύψασα ἐκ τῆν χρυσῆν θύρῖδα* — IV, 585); «Ведь и поныне о тебе совсем она не знает» (*οὐδαμῶς γὰρ ἐπίσταται ποῖος ἄρα τυγχάνεις* — IV, 731); «Один лишь тот его узнал, кто не имел потомства» (*ἧς μόνου πεῖραν ἔλαβον οἱ τέκνων ἀποροῦντες* — VII, 181). Бросается в глаза несоответствие видов придаточного и главного предложения в строчках «Когда ж ущелья дикие открылись перед ними, то отроков берег эмир и шел путем окружным» (*ὅτε δὲ καταλαμβάνεν εἰς αἰόλους κλεισούρας, διήρχετο γὰρ γύρωθεν φυλάττων τοὺς ἀγούρους* — III, 89—90).

Эти промахи, заметные при придирчивом чтении, не связаны с неверным толкованием текста. Если же и встречаются случаи сомнительного перевода (например, слово *ἀδρῶς* — «разом», «внезапно», передается: «во всеоружии» — I, 57), то это результат не ошибки переводчика, а слишком вольного понимания текста.

Говоря о стиле перевода, следует еще отметить засоренность текста местоимением «тот» во всевозможных формах, злоупотреблением союзом «коль» (вм. «если») и явную двусмысленность строки «...Коль о родных не говорить, знакомых моих близких...» (*ἐκτός γάρ μου τῶν συγγενῶν καὶ τῶν γνωστῶν ἰδίῳν* — IV, 497). В последнем случае непонятно, является ли слово «близких» существительным или прилагательным — определенным к «знакомых». Может быть, переводчику следовало бы также сохранить частые в оригинале и вообще в византийской литературе случаи тавтологии и близкого расположения однокоренных слов (например *εἰκόμιν εἰκοίμεναι* — I, 38; *ἡρήμωσε... ἐρήμους* — I, 51 и др.).

Выступая комментатором, А. Я. Сыркин поставил перед собой широкую задачу облегчить понимание текста малоискушенному читателю и в то же время дать примечания, отвечающие современному состоянию изучения памятника; комментатор объясняет общераспространенные мифологические имена и углубляется в специальные вопросы толкования текста. По сравнению с уже упомянутой книгой Дж. Маврогордато значительно расширен исторический, географический и реальный комментарий, однако в отношении комментария филологического издание Маврогордато имеет явные преимущества. Слов нет, в книге, рассчитанной на сравнительно широкие круги читателей, нет необходимости комментировать каждый случай спор-

¹ *Digenes Akrites*, edited with an introduction, translation and commentary by J. Mavrogradato. Oxford, 1956.

ного толкования текста, необычной лексики или грамматики, но поскольку А. Я. Сыркин это, как правило, делает, остается непонятным, почему он оставляет без примечаний или чрезвычайно бегло комментирует ряд мест, безусловно нуждающихся в объяснении. Возьмем, к примеру, IV книгу. А. Я. Сыркин оговаривает поправку Э. Леграна $\delta\epsilon\acute{\xi}\alpha\sigma\alpha\sigma\theta\alpha\iota$ вм. $\delta\epsilon\acute{\xi}\alpha\sigma\alpha\sigma\theta\alpha\iota$ (96), делает поправку $\epsilon\upsilon\nu\sigma\tau\omicron\nu$ вм. $\epsilon\grave{\iota}\nu\sigma\tau\omicron\nu$ (196), отмечает интересное чередование предлогов $\mu\acute{\epsilon}$ и $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}$ (165—166). Но вот плохо понятные строки (565—568): $\eta\ \tau\acute{\alpha}\zeta\iota\varsigma\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \eta\ \alpha\lambda\eta\theta\acute{\eta}\varsigma\ \epsilon\upsilon\gamma\acute{\epsilon}\nu\epsilon\iota\alpha\ \kappa\alpha\lambda\epsilon\iota\tau\alpha\iota\ \eta\eta\pi\epsilon\rho\ \kappa\alpha\tau\omega\ \eta\theta\acute{\epsilon}\tau\eta\rho\alpha\ \omicron\upsilon\kappa\ \omicron\iota\delta\alpha\ \tau\iota\ \pi\alpha\theta\omicron\upsilon\sigma\alpha\ \pi\acute{\omicron}\delta\omicron\varsigma\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \acute{\omicron}\mu\omega\varsigma\ \acute{\alpha}\kappa\rho\alpha\iota\phi\eta\varsigma\ \acute{\alpha}\gamma\acute{\alpha}\pi\eta\ \sigma\omicron\upsilon\ \eta\ \beta\epsilon\beta\alpha\iota\alpha\ \pi\rho\tau\iota\mu\omicron\tau\epsilon\rho\acute{\alpha}\nu\ \acute{\epsilon}\tau\tau\omega\varsigma\ \sigma\eta\ \kappa\alpha\lambda\lambda\iota\sigma\tau\eta\ \acute{\alpha}\gamma\acute{\alpha}\pi\eta$ вовсе лишены комментария. Дж. Маврогордато изменяет $\sigma\eta\kappa\alpha\lambda\lambda\iota\sigma\tau\eta\ \acute{\alpha}\gamma\acute{\alpha}\pi\eta$ на $\sigma\eta\nu\ \kappa\alpha\lambda\lambda\iota\sigma\tau\eta\nu\ \acute{\alpha}\gamma\acute{\alpha}\pi\eta\nu$ и не очень удачно переводит две последние цитированные строки (Yet sudden passion and my sure affection made me your fair affection to prefer (op. cit., p. 109), а А. Я. Сыркин переводит их: «Но неизменная любовь и сила страсти чистой перед желанием твоим меня склонила властно», никак не объясняя своего перевода. То же самое относится и к строке 895 ($\acute{\alpha}\pi\epsilon\rho\ \delta\acute{\epsilon}\ \omicron\upsilon\ \sigma\upsilon\nu\acute{\epsilon}\theta\epsilon\nu\tau\omicron\ \acute{\alpha}\mu\phi\acute{\omicron}\tau\epsilon\rho\omicron\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \tau\acute{\epsilon}\kappa\nu\omicron\iota\varsigma$). В своем переводе А. Я. Сыркин опускает непонятное в этом контексте отрицание $\omicron\upsilon$, но никак этого не оговаривает.

Отдельные небрежности допускает комментатор, ссылаясь на работы других исследователей. Так, А. Я. Сыркин совершенно верно переводит слово $\varphi\alpha\lambda\kappa\omega\nu\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$ «малые соколы», но в примечании (к IV, 906) утверждает, что Дж. Маврогордато переводит это слово «соколыничье» (falcons), хотя Маврогордато неповинен в этой ошибке: он предлагает конъектуру $\varphi\alpha\lambda\kappa\omega\nu\acute{\alpha}\rho\iota\omega\varsigma$ вм. $\varphi\alpha\lambda\kappa\omega\nu\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$ и переводит с учетом своей конъектуры. Или другой случай: в примечании к IV, 793 А. Я. Сыркин поясняет, что $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}\ \zeta\omega\omicron\nu$ может означать какой-либо рисунок, не обязательно с животными (ср. язык Геродота, Платона). Если комментатор хочет убедить читателя-специалиста (для неспециалиста это вообще безразлично) в том, что возможно такое толкование текста, то надо было бы указать точно, где у Геродота и Платона следует искать такое словоупотребление. Дж. Маврогордато тоже говорит о языке Геродота и Платона, но при этом ссылается на словарь Liddell — Scott²; А. Я. Сыркин эту ссылку снял, и вся сноска оказалась бесполезной. То же самое и в отношении примечания к I, 47. А. Я. Сыркин предлагает читать вместо $\Gamma\omicron\upsilon\lambda\alpha\beta\acute{\iota}\omega\upsilon\varsigma$ $\Gamma\omicron\upsilon\lambda\alpha\mu\acute{\iota}\omega\upsilon\varsigma$ (от араб. *ghulam* — слуга на военной службе, дружинник), но при этом не ссылается на Грегуара — автора этой конъектуры³. Конечно, в более или менее популярных изданиях нет необходимости во всех случаях ссылаться на труды исследователей, но поскольку в большинстве мест комментатор это делает и сноска расчитана на специалистов, следовало бы и здесь указывать на своего предшественника. Приведенные примеры — не единственные в книге.

В приложениях к изданию помещены две статьи: «Византийская эпическая поэма» и «Версии „Дигениса Акрита“». Изучение всякого народно-эпического произведения, особенно относящегося к эпохе феодализма, наталкивается на большие трудности. Причудливое сочетание истории и поэтического вымысла, народного мировоззрения и взглядов господствующего класса, традиции устного поэтического творчества и ученая обработка — все это значительно затрудняет историко-филологическое исследование памятника. «Дигенис» вызвал к жизни немалую научную литературу, различные толкования, почти каждое из которых отражает те или иные течения и школы в фольклористике и исторической критике. Поэтому настало уже время разобраться в историографии вопроса, подвести некоторые итоги и критически оценить результаты многолетних исследований. В определенной степени эту задачу выполняет неоднократно упоминавшаяся нами книга Дж. Маврогордато⁴. А. Я. Сыркин не ставит целью систематическое изложение взглядов своих предшественников, но в статье «Византийская эпическая поэзия» содержится критический анализ мнений различных ученых по вопросам, интересующим автора. Начав с сжатой характеристики исторической обстановки и культуры Византии IX—X вв. и изложения содержания эпоса, А. Я. Сыркин переходит к историко-литературному анализу памятника.

Первая проблема, освещенная автором, — вопрос об историчности «Дигениса». Отбрасывается наиболее мнение некоторых ученых XIX в. о реальности самого Дигениса, чей образ совершенно правильно рассматривается как фольклорно-эпический. Вместе с тем А. Я. Сыркин говорит об исторической характеристике Дигениса и допускает сопоставление некоторых предков героя с реальными историческими лицами. К многочисленным историческим параллелям, которые проводились Грегуаром, Хадзимом и другими исследователями, автор подходит с большой осторожностью и ни одно из них не принимает на веру.

Следующий раздел статьи в основном посвящен идейной направленности эпоса. Не вызывает сомнений замечание А. Я. Сыркина о том, что «Дигенис» в полной мере отражает религиозную идеологию византийцев и в то же время лишен религиозного

² Op. cit., p. 122.⁵

³ Acad. Royale de Belgique. Bulletin de la classe des lettres..., 5^m série, t. 17, № 12, p. 482.

⁴ Раздел «Discussions». См. также А. Я. Сыркин. К истории изучения «Дигениса Акрита». ВВ, XVII, 1960.

фанатизма (стр. 151). Безусловно также и то, что «основная идея поэмы — культ силы и отваги», перешедший в поэму из фольклора (стр. 152). Слабо доказанным представляется нам другое положение автора. По мнению А. Я. Сыркина, в эпизоде встречи Дигениса с императором (IV, 971—1089) «поэма отражает мировоззрение феодальной провинциальной знати, стремившейся к независимости от центральной власти» (стр. 151). Аргументируя эту мысль, А. Я. Сыркин говорит о «сдержанности и даже враждебности», которую проявляет в упомянутой сцене Дигенис по отношению к императору и его спутникам. Но определенная сдержанность Дигениса — это, скорее всего, проявление чувства достоинства эпического героя; о враждебности Акриты к императору, по нашему мнению, речи быть не может, ибо не враждебность заставляет Дигениса избегать встречи с воинами императора, а, напротив, боязнь в порыве гнева убить их и, таким образом, оскорбить самодержца. В поэме прямо говорится о том, что император, получив письмо Дигениса, был восхищен его смиренными словами *ἐδούμασε τῆν τοῦ τοῦ παίδος ταπεινότητα τοῦ λόγου* — IV, 1002). Не является доказательным также сближение наставлений, которые дает императору Акрит (IV, 1030 сл.), с советами Кекавмена в «Стратегиконе». Ведь «соблюдение справедливости», «заступничество за бедных» и т. п. — не более как обычные христианские добродетели, соблюдение которых украшает истинного самодержца (ср., например, изображение императора Алексея I у Анны Комниной). А то обстоятельство, что Кекавмен стоит за ограничение императорской власти, ни в коем случае не является доводом в пользу мнения об антицентралистских тенденциях «Дигениса Акрита».

Наконец, последний раздел статьи совершенно правильно характеризует «Дигениса», как своеобразное сочетание черт фольклора и ученой поэзии. К сожалению, автор не счел необходимым дать сколько-нибудь развернутой характеристики художественного своеобразия этого памятника и сравнить его с эпическими произведениями европейского средневековья.

Статья заканчивается указаниями на мировое значение памятника.

В следующей небольшой статье «Версии „Дигениса Акрита“» автор дает квалифицированное сравнение различных версий поэмы. А. Я. Сыркин специально (и это вполне естественно для русского издания эпоса) останавливается на списках «Девгениева деяния». В этой статье вызывает сомнение только категорическое суждение о языке Гротта-Ферратской версии. В этой связи А. Я. Сыркин пишет: «Перед нами достаточно правильный литературный греческий язык XI—XIII вв., не свободный, правда, от вульгаризмов» (стр. 167). Вряд ли, однако, можно говорить о каком-то едином литературном языке этого периода.

Книга хорошо отредактирована и набрана. Следует отметить только отдельные незамеченные опечатки: «на» вместо «не» (стр. 58), «временем» вместо «времен» (стр. 102) и некоторые другие.

Русское издание «Дигениса Акрита» — нужная и в целом хорошо сделанная книга; надо надеяться, она привлечет многих читателей и послужит толчком к дальнейшему изучению византийского эпоса.

Я. Н. Любарский

АРХИТЕКТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ТРУДАХ ЮГОСЛАВСКИХ УЧЕНЫХ

1. Ђ урђе Бошковић. Архитектура средњег века. Београд, Научна књига, 1957

Дж. Бошковић — автор многих трудов по археологии Балканского полуострова. Он неоднократно выступал докладчиком на международных конгрессах византологов, руководит целым рядом экспедиций, редактирует сводные труды Археологического института Сербской Академии наук¹. Им подготовлены к печати материалы XII Международного конгресса византологов в Охриде, организатором и ученым секретарем которого он являлся.

Рассматриваемая книга Дж. Бошковића представляет собой второе, полностью переработанное издание курса, читаемого им в Белградском университете. Этим в значительной мере определяется самый характер труда. Автору пришлось включить — мы сказали бы: «втиснуть» — историю средневековой архитектуры в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке в книгу объемом около 37 печатных листов, из которых почти половину занимают иллюстрации. Естественно, что автор вынужден был отказаться от сколько-нибудь полного анализа отдельных памятников и ограничиться лишь краткими данными об архитектурном декоре, профилях, характере проемов, приводимыми в обобщенном виде в конце каждой главы.

Хотя книга Бошковића вышла в свет в 1957 г., послесловие к ней подписано декабрем 1952 г. Уже во время печатания настоящей рецензии появилось второе из-

¹ Археолошки споменици и налазишта у Србији, уредник Ђ. Бошковић, I—II. Београд, 1953, 1956.